

Л.А. Демина
СИНТЕЗ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО, ЛОГИЧЕСКОГО И
РИТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В АНАЛИЗЕ СМЫС-
ЛА И ПОНИМАНИЯ

В статье рассматриваются варианты трактовок термина «герменевтика» в их связи с задачей переосмысления ряда теоретико-познавательных проблем. Исследуются связи истолкования и понимания с коммуникативными процессами на материале греческой герменевтики. Делается вывод о процессе зарождения интеракционной картины смысла как деятельностного понимания. Рассматривается преемственность идей античности двадцатым веком.

This article examines the ways to interpret the term "hermeneutics" in connection with the task of revising a number of theoretical and cognitive problems. On the basis of Greek hermeneutics, the author explores the connection between interpretations and understanding and communicative processes. A conclusion is drawn that an interaction picture of meaning arises as active understanding. Special attention is paid to the fact that the 20th century ideas stem from those of antiquity.

Ключевые слова: «неклассическая теория познания», герменевтика, смысл, понимание, античная герменевтика.

Key words: "non-classical epistemology", hermeneutics, meaning, understanding, antique hermeneutics.

Специфика современного подхода к решению ряда гносеологических проблем определяется как поворот к «неклассической теории познания». С точки зрения одного из авторов этого термина, В.А. Лекторского, данная теория характеризуется прежде всего отношением к классическому наследию Декарта-Канта в теории познания. Означает ли пересмотр полный отказ от гносеологической традиции, или ее частичную модификацию? Очевидно, что полный отказ будет вы-

глядеть как противоречие самим же принципам неклассической теории познания, согласно которым она включает в себя «понимание того фундаментального факта, что познание не может начаться с нуля, на основе недоверия ко всем традициям, а предполагает вписанность познающего индивида в одну из них» [4, с. 110]. Иначе говоря, вспоминая мысль Г. Гадамера, последовательный отказ от традиции в этом случае также становится уже традицией. Таким образом, вписанность познающего субъекта в некоторую историческую традицию, рассматривается как основа познания, исходная точка опоры, то, что принимается как некая изначальная данность. При таком подходе уже не изолированный индивид с его индивидуальным сознанием рассматривается как субъект познания, а целостный человек, взятый в многообразии его коммуникативных связей, в совокупности его «жизненного мира» и исторического «горизонта». Это означает, по мнению Л.А. Микешиной, обращение к более широким «когнитивным практикам», в число которых она включает герменевтическую и феноменологическую [5]. Особое значение такое обращение имеет с точки зрения исследования проблем смыслообразования и смыслополагания, возникающих лишь как результат активного взаимодействия субъекта с миром.

Существуют различные трактовки термина «герменевтика», в определенной мере отражающие исторические этапы ее развития. Это, во-первых, понимание герменевтики как искусства интерпретации (толкования) текстов. Далее – герменевтика рассматривается как теория понимания, постижения смысла. Психологическая герменевтика трактуется как искусство постижения чужой индивидуальности. Наконец, возникает понимание герменевтики как учения о принципах гуманитарных наук, как методологии гуманитарных наук. Актуальность герменевтической

проблематики в современной философии связана с задачей переосмысления природы философского знания и решения ряда теоретико-познавательных проблем. Опыт герменевтики в преодолении ограниченности традиционной теории познания, необходимость учитывания этого опыта подчеркивается многими современными авторами, особенно в связи с анализом идей феноменологии, философии жизни, экзистенциализма и персонализма.

Так, Л.А. Микешина, критикуя традиционную теорию познания, подчеркивает свойственные данной теории парадоксы и противоречия, связанные с отождествлением познания с субъектно-объектными отношениями, субъекта – с «сознанием вообще» как гарантом объективности знания. Под традиционной теорией познания она, как и В.А. Лекторский, понимает господствовавшую в европейской культуре, начиная с Нового времени, гносеологию, связанную, прежде всего, с именами Декарта, Локка и Канта [5, с. 29]. Размышляя о необходимости преодоления парадигмы «теории познания как теории отражения», Л.А. Микешина обращается к опыту герменевтики, в которой познающий человек предстает не как отражающий, но как интерпретирующий и самоинтерпретирующийся субъект.

Как отмечается в «Философии познания», «оставаясь субъектом познания, он предстает теперь как задающий предметные смыслы, непрерывно понимающий, интерпретирующий, расшифровывающий глубинные смыслы, которые стоят за очевидными, поверхностными смыслами, буквальными значениями. Эта деятельность мышления оказывается не менее значимой, чем обычная кумуляция знаний, которую она существенно дополняет, поэтому интерпретация (истолкование) должна быть признана фундаментальным феноменом, исследована как способ бытия, которое, по

Хайдеггеру, существует, понимая, а также как способ истолкования текстов, смыслосчитывающая и смыслополагающая операции, наконец, как общенаучный метод с фиксированными правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания» [5, с. 57-58]. Поскольку понятие смысла является центральным при таком подходе, то сама логика исследования проблематики смысла (в широком понимании этого слова, но и как смысла текста, в частности) подводит нас к тому, чтобы взглянуть на данную проблему с герменевтической точки зрения. При этом вопросы о том, существует ли единая герменевтическая «парадигма смысла» и в каком качестве мы принимаем саму герменевтику, пока остаются открытыми. В своем рассмотрении герменевтики мы исходим из принципов рационализма и интерсубъективизма, стремясь показать, каким образом из субъективного (смысла, знания) возникает объективность (или, точнее, интерсубъективность) человеческого познания. Именно с этой точки зрения мы обратим внимание на некоторые моменты исторического развития идей герменевтики, а также связь ее с развитием логики и формированием теории аргументации (в качестве предпосылок, содержащейся, в частности, в античной риторике).

Прежде всего, мне представляется важным подчеркнуть неразрывную связь истолкования и понимания с коммуникативными процессами, предполагающими интерактивное взаимодействие его участников. Очевидно, что первоначально речь шла об истолковании устных текстов (к такому виду коммуникации можно отнести пророчества - с их последующей интерпретацией «уполномоченными людьми», то есть теми, чье право на эту деятельность признало общество - жрецами и т.п.). Устная коммуникация всегда предполагает наличие определенных «скрытых смыс-

лов» - различного рода имплицатур и пресуппозиций¹. Отсюда – потребность в интерпретации – извлечении этих смыслов. Кроме того, коммуникативные акты, диалог в широком смысле слова, преследуют определенные цели, желательны общие для его участников, из чего вытекают такие важные его функции как обоснование (собственной точки зрения) и убеждение. Для этого должны быть использованы адекватные средства, способствующие достижению взаимопонимания участников.

Все сказанное в полной мере можно применить к наиболее раннему периоду развития идей герменевтики – античности.

Греческий мир можно, действительно, рассматривать как пространство коммуникации. Уже мир Гомера – это мир слова, причем, многоуровневый. Сам текст представляет собой смесь авторского повествования и прямой речи. Даже на войне герои, прежде, чем сразиться, вступают в диалог. Устанавливается целый ряд актов коммуникации: между персонажами, между героями и народом (на собрании, в войске), между героями и богами и между самими богами. Иногда слово может заменить собой действие: в VI песне «Илиады» Главк и Диомед, собираясь биться, вступают в разговор и выясняют, что предок Главка – Беллерофонт, был гостем предка Диомеда, после чего вражда немедленно прекращается. В мире, где речь так важна, хорошие ораторы стяжают славу. Местами комму-

¹ Под *имплицатурой* в анализе языка понимаются компоненты высказывания, которые не входят собственно в смысл предложения, но могут быть «вычитаны» из него слушающим (в процессе речевого акта). *Пресуппозиция* – это «фон знаний» слушателя, который состоит, прежде всего, в знании (понимании) условий истинности произносимого высказывания [См., напр. 6].

никации выступают собрания, советы, суды, в целом – агора, место единения.

В этот период, на мой взгляд, герменевтические, логические и риторические подходы к построению и анализу высказываний, а впоследствии текстов, сливаются воедино, и мы их можем найти практически у одних и тех же авторов, и даже в одних и тех же работах. Так, Платон в диалоге «Федр» излагает основы искусства красноречия, показывая, как надо правильно строить речь и называя это искусство диалектикой. Метод же состоит в следующем: во-первых, в «способности охватывать все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрознено», во-вторых, в «способности разделять все виды на естественные составные части» [8, с. 175-177]. В более развитом виде данный принцип истолкования получил название «герменевтического круга».

В другом платоновском диалоге – «Горгий» – разговор опять-таки идет об искусстве красноречия. На вопрос Сократа, что такое красноречие, Горгий отвечает, что это то, «что поистине составляет величайшее благо и дает людям как свободу, так равно и власть над другими людьми», это «способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан». Что же значит «убеждать»? Далее диалог развивается так:

«Сократ. Кажется ли тебе, что это одно и то же – узнать» и «поверить», «знание и вера» – или же что они как-то отличны?

Горгий. Я думаю, Сократ, что отличны.

Сократ. Правильно думаешь, и вот тебе доказательство. Если бы тебя спросили: «Бывает ли, Горгий, вера истинной и ложной?» – ты бы, я полагаю, ответил, что бывает.

Ну а знание? Может оно быть истинным и ложным?

Горгий. Никоим образом.

Сократ. Стало быть, ясно, что это не одно и то же... А между тем убеждением обладают и узнавшие, и поверившие... Может быть, тогда установим два вида убеждения: одно сообщающее веру без знания, другое – дающее знание?.. Какое же убеждение создается красноречием в судах и других собраниях?.. То, из которого возникает вера без знания или из которого знание?

Горгий. Ясно, Сократ, что из которого вера...

Сократ. Значит, оратор в судах и других собраниях не поучает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру и только. Ну, конечно, ведь толпа не могла бы постигнуть столь важные вещи за такое малое время» [7, с. 267-268].

Что перед нами? Трактат по риторике или герменевтический текст, в котором, может быть, впервые обращается внимание на значение дологических форм познания и понимания, роль внушения в процессе диалога? Но в то же время, это важный отрывок для логического анализа контекстов знания и мнения, знания и веры, их истинностных значений, различению в них коммуникативных ролей говорящего и слушающего, их целей и коммуникативных намерений, а соответственно – успешности или неуспешности диалога. Здесь можно отметить и негативные моменты – так, у Платона (в диалоге «Теэтет») мудрецы «не знают дороги ни на агору, ни в суд, ни в Совет, ни в любое другое общественное собрание... Они не стремятся вступить в товарищество для получения должностей; сходки и пиры и ночные шествия с флейтистками даже и во сне им не могут присниться».

Не претендуя на окончательность вывода, я хочу задать вопрос – а нет ли в этом «мирном сосуще-

ствовании» еще только зарождающихся дисциплин (я имею в виду логику, теорию аргументации, герменевтику), впоследствии разошедшихся, дисциплинарно самоопределившихся, залога их будущего соединения? В какой-то мере это и происходит, когда мы сегодня говорим о философской логике, о философской герменевтике, рассматривая их в качестве общетеоретических методологий? Я не вижу оснований противопоставлять то, что должно взаимно дополнять друг друга. Риторика есть одновременно и практика, и размышление о языке: она рождается в тот момент, когда люди начали задавать себе вопросы о технике беседы, о том, какие средства можно применять для убеждения. Риторика в меньшей степени является импровизацией, в значительно большей степени – техникой убеждения.

Мне близка также идея, высказанная Б.С. Грязновым, что аристотелевская силлогистика возникает из потребностей аргументации, ораторского искусства [3, с. 232-240]. Как он пишет, исследуя первую «Аналитику» Аристотеля, в античной риторике доказательства строились либо прямо и непосредственно: как ссылка на факты, примеры, либо как вывод из аргументов. В этом последнем случае многое зависело от оратора, его умения, склонности к софизмам и уловкам, т.е. его этической позиции. Вопрос состоял в том, можно ли решить проблему убеждения независимо от этих субъективных факторов? Аристотелевская силлогистика и является теоретическим решением этой проблемы. Силлогизмы Аристотеля – это не доказательства. Не выводы, а предложения, которые являются истинными в силу своей формы, но именно в силу этого же они и являются убедительными. «Таким образом, область исследования аристотелевской силлогистики не научные рассуждения, а ораторское искусство. Первая в истории европейской цивилизации строгая логическая теория имела своей целью теоретически осмыслить

здравый смысл, выраженный в естественном языке», - делает вывод Б.С. Грязнов. От себя замечу, что может быть именно это «теоретическое осмысление здравого смысла» сделало учение Аристотеля практически нестареющим и широко используемым, в частности, для построения юридической аргументации, и в настоящее время. В то же время, осмысление здравого смысла – разве это не герменевтическая задача? Или восстановление энтимемы – мы при этом используем некоторые специальные логические методы, но целью ставится восстановление пред-посылок рассуждения, в конечном счете, уточнение его смысла.

Итак, в итоге развития античной познавательной практики мы видим стремление к достижению универсальности понимания и, прежде всего, смысла как предмета понимания. Рождается интеракционная картина смысла – постижение смысла как результат взаимообсуждения, взаимоистолкования тех или иных понятий (что мы видим, например, в диалогах Сократа-Платона). Развивается и понимание как форма деятельности – именно такого рода деятельностное понимание происходит во взаимодействии оратора и аудитории. С этим связана разработка правил построения речи и искусства убеждения. При этом процесс понимания смысла рассматривается в неразрывной связи с постижением истины – отсюда создание специальных методов, позволяющих выявить истинный смысл высказываний.

Интересное развитие идеи, заложенные в античности, получают в философской герменевтике XX века, которая, на наш взгляд, движется в направлении того синтеза знания, путь к которому был заложен еще в античности. Так, Г. Гадамер рассматривает понимание и интерпретацию как коммуникативные процессы. Это рассмотрение происходит по разным направ-

лениям: устной коммуникации, письменной, вопросно-ответного диалога.

«Мы стремимся приблизиться к проблеме языка, - пишет Г. Гадамер, - исходя из представления о разговоре» [2, с. 444]. Понимание – процесс не психологический. Понять другого не означает поставить себя на его место и воспроизвести его переживания. Понимание - процесс диалогический, коммуникативный, предполагающий общность цели диалога и достижение взаимопонимания в перспективе данной цели. Это понимание общего дела, осуществляемое в языке. Г. Гадамер называет язык «средой герменевтического опыта», где происходит процесс договаривания собеседников и обретается взаимопонимание. Взаимопонимание по какому-либо поводу, которое должно быть достигнуто в разговоре, необходимо означает, что в разговоре вырабатывается общий язык. Так же это означает своего рода обмен смыслами, слияние индивидуальных смысловых горизонтов, с целью выработки нового смыслового единства («истины дела»). Данный взаимообмен, пишет он, «преображает их так, что они уже не являются более тем, чем были раньше» [2, с. 445].

Коммуникативный диалог становится подлинно герменевтическим феноменом, когда мы переходим к пониманию текстов. Пример переводчика, преодолевающего пропасть между языками, показывает, что и здесь происходит взаимодействие (текста и интерпретатора). Этому процессу, конечно, присуща своя специфика: текст обретает новый смысл именно благодаря интерпретатору, благодаря его сопричастности. Соучастие обеих сторон проявляется в том, что текст дает языковое выражение данному смыслу, а интерпретатор его реализует (истолковывает). В результате опять-таки вырабатывается общий язык и решается общее дело. Общий язык – это универсальная языковая

среда, в которой осуществляется понимание и истолкование.

Вопросно-ответный диалог со времен античности считался одной из важнейших когнитивных практик (достаточно вспомнить сократические диалоги Платона). Г. Гадамер разрабатывает эту тему с герменевтических позиций: «К сущности вопроса относится то, что вопрос имеет смысл. Смысл вопроса – это направление, в котором только и может последовать ответ, если этот ответ хочет быть осмысленным, смыслообразным. Вопрос вводит опрашиваемое в определенную перспективу. Появление вопроса как бы вскрывает бытие опрашиваемого. Поэтому логос, раскрывающий это вскрытое бытие, всегда является ответом. Он сам имеет смысл лишь в смысле поставленного вопроса» [2, с. 427]. Вопрос должен быть открытым (открытость означает неустановленность ответа), но не безгранично – он имеет свой горизонт. Иначе говоря, вопрос должен быть *поставлен*. Постановка вопроса может быть правильной или ложной – в зависимости от имплицитных им предпосылок. Решение вопроса есть путь к знанию. Всякое прозрение имеет структуру вопроса. Искусство вопрошания есть искусство спрашивания дальше, т.е. искусство мышления. Оно называется диалектикой, потому что является искусством ведения подлинного разговора. Это одновременно и искусство видеть вместе с собеседником единство данной точки зрения, и образования понятий как мнений, общих для собеседников, это взаимоистолкование и смыслокоммуникация.

Герменевтическая беседа с письменным текстом (например, с литературным произведением) характеризуется теми же чертами, что вопросно-ответный диалог. Сам текст, как предмет истолкования, есть вопрос, заданный интерпретатору. Понять текст – это, значит, обрести герменевтический горизонт вопроса. С

точки зрения Г. Гадамера, логика наук о духе (гуманитарных наук) является логикой вопроса.

Понимание вопроса как смыслообразующего ядра любого диалога разрабатывается в современной теории аргументации.

С другой стороны, вопрос о смысловой значимости языка разрабатывается, например, К.-О. Апелем [1]. Он связывает его с идеей неограниченного коммуникативного сообщества, соединяя тем самым, семантические и прагматические аспекты языка. Апелем, также как и рассмотренными нами выше отечественными авторами, критикуется классическая теория познания.

В классической философии, начиная с Платона, устанавливается традиция редуцирования языка до функции обозначения (т.е. чисто референциального его аспекта), в то время как смыслообразующая функция перемещается в сторону идей (понятий разума) как внеязыковых и надязыковых сущностей. В классической теории познания господствует «парадигма сознания». Мышление отмежевывается от языка как чего-то вторичного. В ней схватывается момент интенциональности суждения (как связь субъекта и предиката), но утрачивается опосредующая роль языковых значений. Язык рассматривается лишь в конвенциональной функции обозначения. Схему такой классической парадигмы языка можно представить следующим образом: от чувственного познания – к логическому абстрагированию, от него – к репрезентации через обозначение, и от него – к сообщению (коммуникации). При такой схеме неясным выглядит происхождение языка: он предполагается как бы заданным заранее. В то же время его функция, как мы уже отмечали, редуцируется до просто языкового сообщения информации относительно подразумеваемых вещей, положений дел, тогда как не менее, а скорее, даже более

существенной функцией языка является интерсубъективная коммуникация, основанная на понимании смысла слов и предложений. Но смысл и понимание языковых выражений «никоим образом не может быть передано поэтам и риторам», это – задача философии [1, с. 242].

Снятие противоположности классической и неклассической теории познания во многом сходно задаче соединения методов логического анализа с герменевтической интерпретацией языковых выражений и текстов в целом, что, конечно, не исключает применения и иных когнитивных практик.

Список литературы

1. *Апель К.-О.* Трансформация философии. – М., 2001.
2. *Гадамер Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988.
3. *Грязнов Б.С.* Логика. Рациональность. Творчество. – М.: Наука, 1982. С. 232-240.
4. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001.
5. *Микешина Л.А.* Философия познания: Полемические главы. – М., 2000.
6. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. – М., 2002.
7. *Платон.* Собр. соч. в 4 тт. Т.1. – М.: Мысль, 1994. С. 267-268.
8. *Платон.* Собр. соч. в 4 тт. Т.2. – М.: Мысль, 1993. С.175-177.

Об авторе

Демина Лариса Анатольевна – доктор философских наук, профессор Московской государственной

юридической академии им. О.Е. Кутафина,
ldemina05@mail.ru.

About author

Prof. *Larisa A. Dyomina*, О.Ye. Kutafin Moscow State
Law Academy, ldemina05@mail.ru.